

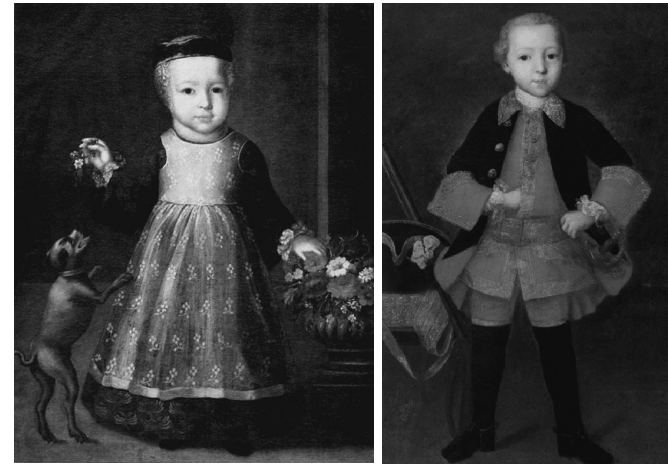
И. Сергиенко

«СМЕРТЬ ГЕРОЯ»: СЮЖЕТ О ГИБЕЛИ РЕБЕНКА В ПРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XVIII ВЕКА

В статье рассматривается бытование сюжета о смерти героя-ребенка в нравоучительной беллетристике конца XVIII в., адресованной детям, анализируются интерпретации данного сюжета и факторы, влияющие на обращение авторов к этой фабуле. На материале текстов, относящихся к жанру нравоучительной повести и переведенных на русский язык, рассматривается специфика детской литературы того периода.

Ключевые слова: детская литература XVIII в., сюжет о смерти ребенка, нравоучительная повесть.

Сегодня детская литература воспринимается современным читателем как своего рода конвенциональная система, от которой он вправе ожидать вполне определенной тематики, проблематики, разного ряда и художественных приемов. Нарушение горизонта ожидания вызывает возмущение и недоумение, как это, например, происходит сейчас с произведениями, представляющими направление «новой детской литературы»¹, но и не только. Своего рода рецептивный шок вызывают и некоторые тексты детской литературы, отстоящие от современной литературы по времени своего создания на значительную историческую дистанцию — например, первые образцы беллетристики для детей, появившиеся во второй половине XVIII в., когда детская литература возникла в качестве самостоятельного направления, ставящего перед собой особые цели и задачи, использующего для их воплощения особые художественные приемы. Это произошло сначала в культуре европейских стран — Германии, Франции, Великобритании, и несколько позже (в последней трети XVIII в.) — в России. Новое литературное течение было представлено преимущественно нравоучительной прозой, которая полностью вышла из издательского и читательского обихода уже к концу XIX в., и в настоящее время относится к реликтовым пластам детской литературы, известным только немногочисленному сообществу специалистов.

Первые портреты детей в русской живописи. Слева: портрет девочки с собачкой». Неизвестный художник, середина XVIII века. Справа: портрет кн. Ф. Н. Голицына в детстве» И. Я. Вишняков, 1760 г.

В этой связи хотелось бы сказать несколько слов о нравоучительной беллетристике для детей этого периода. Во-первых, необходимо подчеркнуть тот факт, что до этого времени детской художественной литературы как таковой еще не существовало. Литература для детей была представлена либо произведениями, написанными для взрослых, вошедшими в круг детского чтения и впоследствии переработанными для детей (как знаменитые романы «Дон-Кихот» Сервантеса и «Робинзон Крузо» Дефо), либо произведениями, которые, будучи адресованы юношеству, по своим литературным приемам ничем не отличались от литературы для взрослых (как, например, популярный роман Фенелона «Приключения Телемака, сына Улисса» 1699 г. или его менее известное произведение «Приключения Аристоноя» 1699 г.).

Короткие нравоучительные рассказы, которые их авторы и издатели чаще всего называли «повестями» или «сказочками», наряду с жанром «беседы», стали первыми образцами литературы, не только обращенной к детской аудитории, но использующей особые, отличающиеся от взрослой литературы художественные приемы, впрочем, тесно связанные с господствующей литературной традицией — традицией просветительского романа и сентиментальной повести. В русской детской литературе эти произведения были представлены, в основном, переводными произведениями, которые ча-

сто переводились не с оригинала, а с перевода или пересказа, с чем связана проблема сложности установления авторства и оригинала, где впервые был использован тот или иной сюжет.

Несмотря на то, что исследователями установлено, что значительная часть этих сюжетов восходит к известной книге немецкого педагога и писателя И.-Г. Кампе «Маленькая детская библиотека» (*Kleine Kinderbibliothek*, Гамбург, 1779–1784) и сочинению французского автора А. Беркена «Друг детей» (*L'Ami des Enfants*, 1782–1783), вопрос об авторстве и заимствовании тех или иных сюжетов в нравоучительной прозе для детей во многом остается открытым.

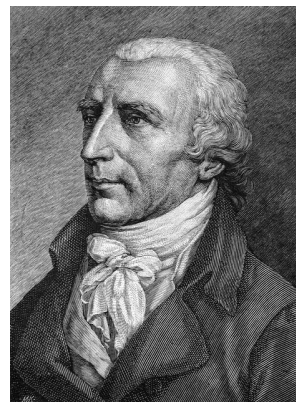
Что же представляют собой эти повести? Как правило, это достаточно короткие рассказы, состоящие иногда из двух-трех абзацев, впрочем, некоторые из них могут достигать и нескольких страниц. Их главный действующий герой — ребенок, «дитя» добродетельное или порочное, в чем, собственно, и заключается новаторство этого рода литературы. Ребенок здесь изображен более чем схематично, чаще всего он не имеет ни возраста, ни пола, ни имени, ни национальной принадлежности и именуется просто «дитя»². Как отмечает в своем исследовании специалист по детской литературе этого периода Марина Костюхина:

Не имея многого, герой обладает главным: он может совершить поступок добродетельный или порочный. Роль поступка в нравоучительном рассказе безмерно велика. Во-первых, он полностью исчерпывает сущность героя. Во вторых — определяет всю его последующую жизнь

[Костюхина 2008, с. 15]

А иногда, — добавим, — и пресекает эту жизнь.

Беглый обзор сюжетов нравоучительных повестей разворачивает перед читателем живописно-макабрическую панораму разнообразных смертей маленьких героев: резвый Фердинанд забирается без спроса на чужую лошадь, падает с нее и через несколько дней умирает в мучениях³; любопытный Яков не слушает отца, когда тот велит ему сойти со льда, докучно переспрашивает: «для чего же, батюшка?» и проваливается под лед⁴; Луиза, имея дурную привычку брать в рот булавки, когда шьет, умирает, проглотив одну из них⁵; Наташа нарушает запрет матери и, разгорячась во время игры, пьет холодную воду, а затем отказывается принимать лекарство и также умирает⁶; Андрюша пренебрегает запретом забираться высоко и тонет в колодце⁷; Вильгельм и Христиан берут без спроса отцовские пистолеты и случайно убивают друг друга⁸ и т. д.

Иоахим Генрих Кампе (1746-1818), немецкий педагог и детский писатель

Сюжет о смерти героя ребенка чаще всего представлен достаточно лаконично — сначала дается описание порока или дурной привычки, приведших ребенка к совершению проступка (наиболее частый из них — нарушение запрета), затем следует гибель героя, которая иногда предваряется описанием предсмертных мук, а иногда заключается моралью об опасных последствиях тех или иных свойств и поступков (в этом качестве чаще всего выступают «резвость» и «непослушание»).

Наряду с этим встречается вариация сюжета о гибели «порочного ребенка» менее частотная, но все-таки достаточно устойчивая, для того чтобы выделить ее в отдельную группу сюжетов, которую можно было бы назвать «отложенной гибелью». Ребенок, не преодолевший свои порочные наклонности в детстве, гибнет от них, уже будучи взрослым. Так, например, Сергей, с детства пристрастившись к пороку пьянства, погибает от него, уже став студентом университета (причем, подчеркивается, что юноша был очень талантлив — «знал французский, немецкий, латынь, математику чистую и смешанную...» [Детской магнит 1800, с. 11])⁹. Своенравный мальчик, герой повести (в другом варианте перевода «своевольный Карл»¹⁰), которого родители «ничему не учили и никогда не наказывали», став взрослым, проматывает свое состояние и погибает на каторге¹¹. Мальчик Андрюша, привыкший к лакомствам в детстве, став старше, не может победить страсть чревоугодия, встает на путь воровства и разбоя, заканчивает жизнь на виселице¹² и т. д.

Повести, использующие сюжет об «отложенной» гибели порочного ребенка, с одной стороны, свидетельствуют о родстве нравоу-

чительной беллетристики для детей со взрослым просветительским романом, где герой пожинает плоды своего порока¹³, погружаясь в драматические житейские перипетии, в то же время, оставаясь внутренне статичным. С другой стороны, в сюжет о гибели персонажа-ребенка вводится мотив вины родителей, не исполняющих своих обязанностей должным образом. Несмотря на то, что этих сюжетов пока обнаружено не больше десятка, они, тем не менее, чрезвычайно важны для развития образов героев нравоучительной повести. Число этих героев крайне ограничено — ребенок, другой ребенок, родитель, наставник, врач, кормилица, слуга, прохожий, и нередко упоминающиеся, но так и не появляющиеся в повести разбойники. Если в большинстве произведений нравоучительной прозы фигуры родителей изображаются идеальными резонерами, почти небожителями, чей авторитет непререкаем, а воля — священна, то здесь мы видим «дурных родителей», изображение которых иногда даже тяготеет к сатире — редкому приему для нравоучительной детской повести, больше характерному для «взрослой» просветительской повести.

Наиболее характерный образ такого «дурного родителя» представляет г-жа Чадолюбова, героиня повести «Следствие доброй строгости», которая немилосердно пичкает и кутает детей. Детям дают только подогретое питье, два раза в день они пьют чай и кофе, беспрепятственно лакомятся сладостями, их не выпускают из теплой комнаты, одевают в теплое белье и «фуфайки» и пр., в результате чего дети ее были «худы и бледны», имели «синие губы, впалые глаза, гнилые черные зубы» [Детские забавы 1792, с. 119]. Двое старших детей Чадолюбовой умерли от болезни, двое младших — случайно покатавшись на санках.

Мотив родительской любви связан с третьей группой сюжетов о смерти героя-ребенка, где изображается благочестивая смерть добродетельного дитяти. Речь идет о повестях, где ребенок умирает не в результате своего проступка или чьей-то злой воли, а от неких естественных причин, (читатель понимает, что этой причиной выступает болезнь, однако прямые указания в тексте на это присутствуют не всегда). Одна из многократно перепечатываемых повестей с этим сюжетом — «Умиравший юноша», где мы видим классический вариант сюжета о благочестивой смерти. Юноша, умирая, выступает в роли резонера: вразумляет своих родителей, «которые весьма печалятся и горько плачут».

Бог для премудрых причин попускает одному умирать ранее, другому — позже. <...> Смерть моя есть только перемена состояния, я перехожу из теперешнего состояния в другое, и конечно, лучшее, не должен ли я радоваться?... А вы, любезные родители, раз желаете мне всякого добра, то радуйтесь и вы со мною! Я благодарю вас, что вы часто посылали меня в школу; ибо там и от вас я научился добродетельно и счастливо жить, а теперь и умереть спокойно».

Смерть ужасна только тем, которые имеют мало добрых познаний и не довольно сведущи об отеческих намерениях Божиих с человеком.

[Золотое зеркало 1787, с. 64]

В такой трактовке сюжета легко обнаружить влияние просветительского рационализма и даже прагматизма — родители «весьма печалятся» от того, что должны лишиться такого «добронравного сына». В повести «Умиравший ребенок» к этим мотивам присоединяется очевидный сентиментальный элемент. Повесть начинается шокирующей современной читателя репликой девочки Шарлотты: «Ах, мама, как миловиден Карлушка! Я теперь только видела его во гробе!». Из дальнейшего мы понимаем, что мать и дочь вернулись с похорон мальчика. «Он, конечно, миловиден, — сказала мать <...> — как маленький спящий ангел, но когда бы ты Шарлотта, видела бы его на смертной постеле, он показался бы тебе еще лучше». [Золотое зеркало 1787, с. 96]

И далее мать разворачивает картину благочестивой кончины маленького Карлушки:

Он был так покоен, так благодарен за каждую услугу, которую ему оказывали, так охотно принимал все потребные для него лекарства, так усердно молился, что все зрители чувствительно были тронуты. Когда пришел его конец, простался ласково со всеми <...> Он звал к себе отца, уклонившегося от горести, мать его сидела на постеле и плакала. Он велел читать молитву, схватил одну руку своей матери, целовал ее, будто простался — и уснул покойно. Он умер не как ребенок, но как Христианин совершенного возраста.

— Ах, матушка, — сказала Шарлотта, — когда б и я так умерла!

Мать ее не могла более говорить, она прижала Шарлотту к груди и проливая слезы.

[Золотое зеркало 1787, с. 97]

Обращает на себя внимание нестандартный финал повести, который заканчивается не нравоучительной сентенцией, а слезами матери, и, как будто, обрывается на полуслове.

И, наконец, к последней группе сюжетов можно отнести те нравоучительные произведения, где описано, как дети гибнут, став

жертвами обстоятельств. Здесь наиболее интересным кажется стихотворный пересказ повести И.-Г. Кампе, получивший в переводе А. С. Шишкова название «Наташа»:

Наташа всех превосходила
 Чрезмерной резвостью детей,
 И что ей мать ни говорила
 Без пользы было то для ней.

Играть однажды в жмурки стала,
 И, как мужик она блажной,
 По стульям, по столам скакала,
 Кричала, бегая: гей! гой!

Лицо ея, как уголь, горело!
 И пот с нее ручьями лил,
 В ней сердце билось и кипело,
 Дышать почти не стало сил.

Тихонько так она уходит,
 Оставя на часок игру,
 И воду свежую находит,
 Чем жажду утолить в жару.

Сладка ей кажется водица!
 Но брат Петруша вслед за ней
 Бежит, крича: постой, сестрица!
 Я Матушке скажу, не пей!

Она рукою погрозила,
 И воду выпив всю со льдом,
 Беда твоя проговорила,
 Коль скажешь ты кому о том,

Петруша сам не ведал много,
 За что бранит за это мать,
 И, не судя за это строго,
 Направил ноги вновь скакать

На завтра тотчас он приходит
 Наташу видеть поутру;
 Но, ах! В коль жалостном находит
 Он состоянии сестру!

Бедняжка вопит со слезами,
 Ни сесть ни лечь ей не дает,
 Как будто острыми иглами
 Ее кто колет, так ревет.

Титульный лист одного из первых изданий «Маленькой детской библиотеки» И.-Г. Кампе (Гамбург, 1779 год)

Петруша побежал, стоня,
 Тоску свою он в сад понес,
 Там руки кверху воздевая,
 Он просит помощи с небес.

Меж тем лекарство составляют,
 Наташе в ложке подают.
 К несчастью не помогают
 Ни просьбы, ни угрозы тут.

Она ту ложку прочь толкая
 Кричит лишь: горько! нет! ой нет!
 Мать тщетно говорит, лаская:
 Принудь себя, прими, мой свет!

И лекарь как ни убаживает:
 То посулит здоровье ей,
 То смертью злою угрожает,
 Не слушает его речей!

Болезнь меж тем усугублялась,
 И ах, на утренней зоре,
 Наташа бедная скончалась,
 Лежала мертвая в одре!

Тогда Петруша вдруг вбегает,
 Сестру зря бледну пред собой,
 На тело с криком упадает
 И тут же век кончает свой.

Тела их вместе положили,
И над могилой сделан знак,
Сие от Лейпцига с полмили,
Кто едет мимо, видит всяк.

[Детская библиотека 1783, 90]

Мотив гибели ребенка от горя, от испытываемых чувств настолько необычен в нравоучительной прозе, что заслуживает отдельного рассмотрения, пока же можно сказать, что первая часть стихотворения, разрабатывающая сюжет в рамках привычной нравоучительной дидактики, со смертью Петруши внезапно переходит в сентиментальную драму и даже в чем-то перекликается с песенным жанром «жестокоего романа».

Такова экспозиция обращения к сюжету о смерти ребенка в нравоучительной повести конца XVIII века, адресованной детям. О том, что эти сборники предназначались для чтения детей (или для совместного их чтения с родителями и наставниками) говорят указания издателей (или авторов), включенные в заглавия: «Золотое зеркало для детей...» (1787); Детской магазин, или собрание Полезных сочинений, соответствующих детскому возрасту (1788); Небольшие сказочки для малолетних детей от четырех до семи лет возраста (1792); Детской магнит, привлекающий детей к чтению...» (1800) и пр.

У современного читателя¹⁴ первое знакомство с этими текстами, как правило, вызывает резкое неприятие и недоумение. «Какой ужас! Это просто какой-то садизм! Как такое можно писать для детей! Это нельзя читать детям!» — такая реакция является достаточно типичной. Ее вызывает, прежде всего, картина изображения многочисленных травм, увечий и жестокой гибели маленьких героев, которыми изобилует нравоучительная проза, образцы которой были рассмотрены выше. Современному читателю подобный художественный прием кажется неоправданно жестоким и недопустимым в детской литературе.

Однако если рассмотреть специфику ситуации в детской литературе XVIII в. в целом, то становится понятно, почему сюжет о смерти ребенка, причем о смерти стремительной и беспощадной (имея современный читательский опыт, так и хочется сказать «окончательной»), был настолько широко распространен именно в этот период.

Детская литература, создававшаяся в эпоху Просвещения во многом как умозрительный, рациональный конструкт, опиралась на разнообразные философские и педагогические течения, но главной ее основой служили рационалистические (пост-картезианские) пред-

ставления о человеке как о некоем совершенном механизме, который нужно только «как следует отладить» и он начнет безупречно функционировать. С этой философией были тесно связаны педагогические идеи Джона Локка, трактовавшего ребенка как «чистый лист» бумаги, объект, лишенный врожденных свойств и предрасположенностей, из которого посредством разумного воспитания можно сформировать «человека просвещенного». Одним из наиболее эффективных методов Локк и его последователи считали силу примера и говорили о необходимости предоставлять ребенку образцы для подражания.

Собственно, художественное воплощение этих воспитательных приемов является главной движущей идеей авторов нравоучительной повести. В предисловиях к сборникам неоднократно говорится о воспитывающей силе примера, о том, что предлагаемые вниманию читателя «пьески» (повести, сказочки и пр.) предназначаются для совместного прочтения и обсуждения родителями с детьми. Картина жестокой гибели непослушного, *порочного* ребенка, по мнению авторов, должна предостеречь маленького читателя от подобного поведения. (Заметим, что большинство авторов — И.-Г. Кампе¹⁵, А. Беркень¹⁶, Ф.-Э. Рохов¹⁷ и др. были педагогами-практиками). Эту функцию предостережения они иногда делегируют своим героям. Так, в повести «Каролина» маленькая героиня, умирая от того, что простудилась, выпив в жару холодной воды, «перед самой своей смертью просит своих родителей и знакомых о нападении всем детям, чтобы они никак не пили, когда разгорячатся и не прохладялись бы, раскрывая грудь». [Золотое зеркало 1787, с. 80]

Функция «запугивания» на тот момент была не нова для дидактической литературы, обращенной к детям, скорее, даже традиционна — достаточно вспомнить «похвалу розге», предваряющей многие учебники старой книжности, или подробное описание казней в первой детской энциклопедии Я.-А. Коменского «Орбис пикутс» (1657), где наставник, гуляя со своим подопечным ребенком, подробно изъясняет ему смысл казней и объясняет, каких поступков следует избегать, чтобы не оказаться на месте казнимых преступников. Также необходимо отметить, что, несмотря на определенную тенденцию к секулярности просветительской литературы и умонастроений эпохи Просвещения в целом, религиозная традиция все же является господствующей, особенно в детской литературе. Смерть непослушного ребенка, нарушившего родительскую волю, переступившего запрет, в религиозном контексте воспри-

нимается как суровое, но справедливое и неотвратимое наказание грешника за грех.

Несмотря на всю схематичность и условность, нравоучительная проза того времени отражала обстоятельства реальной повседневности и быта дворянских детей, когда детская смертность действительно была очень высока. В известном смысле эти повести представляют собой своеобразное практическое пособие по «обеспечению безопасности жизни». Из них маленький читатель узнает, что:

- нельзя брать в рот булавки;
- нельзя ходить по льду;
- нельзя выходить разгоряченным на холод;
- нельзя залезать без присмотра взрослых на лошадь;
- нельзя объедаться сверх меры;
- нельзя играть с оружием;
- необходимо закаляться и пр.

Словом, знакомится с действительно опасными ситуациями и получает представление о положительных примерах. Возвращаясь к началу статьи, можно заключить, что пристрастие авторов к подобным сюжетам диктуется не их ненавистью к детям или садистскими наклонностями, а наоборот, скорее, искренней заботой о ребенке.

В чем авторы этих текстов видят свою главную дидактическую задачу и на чем сосредотачивают свои художественные усилия, можно понять, рассмотрев наиболее частотные мотивы, связанные с сюжетом о смерти ребенка. Как мы видим, основные пороки, приводящие ребенка к гибели, — это непослушание, неразумие, основные причины — нарушение запрета. Хочется отметить, что, если мотив родительского горя встречается в нравоучительной повести, хотя и не так часто, то мотива сочувствия к погибшему ребенку, которое выражал бы автор, мы практически не увидим¹⁸.

Представляется, что сюжет о гибели ребенка должен постепенно смягчаться по мере развития литературного процесса и эволюции педагогических взглядов, как это, например, происходит с сюжетом о порочном лакомке, который гибнет в нескольких повестях конца XVIII в. «Наказанный лакомка», «Несчастный лакомка», «Наказанное лакомство» и пр., но остается жив в повести «Поваренок», написанной в 1836 г., где писатель В. Бурнашев¹⁹ обрабатывает этот же сюжет. Характерно, что герой «Поваренка» также подвергается смертельной опасности, но, как выясняется, мнимой: его хозяин кондитер, обманывает Андрюшу, заявляя, что отравил

пирожные, которые тот украл, чтобы заставить мальчика сознаться в краже и поспособствовать его дальнейшему исправлению. Но прямая связь между гуманизацией сюжета о смерти ребенка и хронологическим фактором (чем к более поздней эпохе детской литературы принадлежит текст — тем мягче наказание проступка) существует не всегда.

Во-первых, вариант смертельного возмездия и более мягкого наказания за один и тот же проступок сосуществует не только в пределах одного временного среза детской нравоучительной прозы, но нередко и в пределах одной книги. Так, например, в сборнике «Бесценный подарок для благовоспитываемых детей» (1797) помещен рассказ «Непризнательность», в котором мальчик Андрюша, сломав ребро, не сознается в том, что он упал и расшибся, отчего не получает необходимого лечения, и, «едва не умерев, остается на всю жизнь калекою». Вслед за ним следует рассказ о сыне кормилицы, который так же упал, воруя из шкафа конфеты, так же скрыл свое падение и умер от «великой боли в голове и лихорадки... за два дня до смерти он признался во всем, но было уже поздно» [Бесценный подарок 1797, с. 27].

Во-вторых, сюжет о жесткой смерти порочного и непослушного ребенка сохраняется в нравоучительной прозе для детей вплоть до 1850–1960-х гг., а может быть даже и позднее, так как исследование позднейших текстов в этом ключе пока еще не проводилось. Одним из таких сюжетов оказывается, например, сюжет о девочке, проглотившей булавку: впервые напечатанный в «Детской библиотеке» И.-Г. Кампе (1779), включенный затем в такие сборники конца XVIII в., как «Золотое зеркало» (1787), «Детские забавы» (1792) «Детской магнит» (1800), он входит в нравоучительную прозу для детей первой половины XIX в., в последний раз обнаруживается в книге В. Модестова «Умный и веселый товарищ малолетних детей», вышедшей в 1859 г.

Переработка сюжетов в течение последней трети XVIII в. осуществляется еще в одном любопытном направлении: сюжеты детской литературы включаются в книги «для чтения поселянам», где происходят знаковые трансформации. Герои-дети превращаются в героев-крестьян, а место их родителей занимает фигура хозяина. Так «дворянский сын Рудольф» из повести «Нетерпеливый Рудольф» («Золотое зеркало», 1787), умерший от того, что сильно чесался во время ветрянки²⁰, в сборнике «Детской друг, книга для чтения поселянам» (1797) превращается в «мужика Степана», героя

«Плохой мальчик»: Иллюстрация к «Рассказу о дурном мальчике» Марка Твена (1875)

повести «Нетерпеливый», которого хозяин убеждает не чесаться, но Степан, подобно Рудольфу, упрям, и так же бесславно гибнет от болезни, которую «с пользой можно было бы перенести». Мальчик Андрей из повести «Безделица» («Золотое зеркало», 1787), не слушающий отца, который велит ему лежать в постели при простуде, умирает, получив осложнения от болезни. Точно такая же история происходит с мужиком Григорием в повести «Малость» («Детской друг...», 1797), которого предостерегает хозяин, из чего выводится о мораль о необходимости послушания хозяину и пр.

Переработка текстов в таком направлении подтверждает высказанную многими специалистами по массовой литературе XIX в. мысль, о том, что в глазах создателей литературы для народа «народ» как адресат нравоучительных текстов был во многом равнозначен читателю-ребенку.

Что же касается сюжетов о гибели героя-ребенка, то они практически без изменений просуществовали в детской нравоучительной литературе вплоть до середины XIX в., постепенно вытесняясь на периферию художественной прозы и активно используя такими одиозными авторами, как, например, известный беллетрист Борис Федоров²¹. Исчезновение подобных сюжетов, на наш взгляд, связано не столько с изменением и гуманизацией педагогических позиций, хотя она, безусловно, и происходила, сколько с тем, что такие сюжеты устарели в художественном отношении и во второй половине XIX в. стали восприниматься как литературный архаизм.

Примечания

¹ О феномене «новой детской литературы» см.: М. Скаф «Новая детская литература» («Октябрь»). 2012. №12), Е. Ленковская «Можно я не буду это дочитывать: заметки о новой детской литературе» («Детские чтения»). 2102. №1) и др.

² Нередко пол ребенка в тексте так и не уточняется, как, например, в повестях «Дитя разумное», «Дитя чистосердечное», «Дитя любопытное», «Дитя философствующее», «Дитя, противящееся обманам своих служителей», «Дитя степенное» и др. (Сборник «Разные истории и нравоучения», Рига, 1779); «Непослушное дитя» (Сборник «Золотое зеркало для детей», СПб., 1787) «Неразумительное дитя», «Ненасытное дитя» (Сборник «Детской магазин», М., 1788) и так далее. В повести же с названием «Послушное дитя» (Сборник «Небольшие сказочки для малолетних детей». М., 1792) ребенок неожиданно для читателя оказывается девочкой и так далее.

³ Герой повести «Без нужды опасности себя подвергать не должно» // Детской магнит. М., 1800.

⁴ Герой «Повести о несчастном Якове» // Золотое зеркало. СПб., 1787.

⁵ Героиня повести «Смерть от иголки» // Детской магнит. М., 1800.

⁶ Героиня стихотворения «Наташа» // Детская библиотека. СПб, 1783.

⁷ Герой повести «Без рассудка ничего предпринимать не должно» // Детской магнит. М., 1800.

⁸ Герои повести «Приключение с непослушными детьми» // Детские забавы. М., 1792.

⁹ Повесть «О следствии пьянства» // Детской магнит. М., 1800.

¹⁰ Герой повести «Своевольный Карл» // Детской магнит. М., 1800.

¹¹ Герой повести «Своеобразный мальчик» // Нового рода игрушка. СПб, 1776.

¹² Герой повести «Наказанное лакомство» // Детские забавы. М., 1792.

¹³ Самые известные из них: Робинзон (непослушание); Молль Флендерс (тщеславие) «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс...» Д. Дефо, 1722; Манон Леско (непостоянство, страсть к роскоши) «История кавалера де Грие и Манон Леско» Прево, 1731 и пр.)

¹⁴ Чаще всего в этом качестве выступают студенты, изучающие курс истории детской литературы и родители, являющиеся слушателями аналогичных курсов.

¹⁵ Кампе Иоахим-Генрих (1747–1818) — немецкий педагог, один из первых детских писателей, автор популярного трехтомного сборника нравоучительной беллетристики «Kleine Kinderbibliothek» (Гамбург, 1779–1784).

¹⁶ Беркенъ Арно (1749–1791) — французский педагог и детский писатель. На русский язык часто переводились и перерабатывались повести из его 12-ти томного сборника «L'Ami des Enfants» (1782–1783).

¹⁷ Рохов Фридрих Эбергард (1734–1805) — немецкий педагог, детский писатель.

¹⁸ См. напр. повесть «Приключение с непослушными детьми», где описывается нечаянная смерть мальчиков, играющих отцовскими пистолетами: «...Перо не может изобразить тех горестных жалоб, которые тогда последовали, и глубоких сетований несчастного отца, коему при его возвращении одно зрелище лежащих в крови детей всю историю объяснило. Уже бездушные тела детей похоронили, и, думаем, что мать их, с великой горестью их оплакивая, немного насладится на свете...» [Детские забавы, 1792, С. 94]. О мальчике Андрюше, утонувшем в колодезце, говорится так: «...когда его вытащили крюком, он был уже мертв» [Детской магнит 1800, с. 89]. О Фердинанде, упавшем с лошади: «Бешеная лошадь сбросила его, затем ударила его в грудь копытом <...> так, что он далеко от нее отлетел и лежал замертво. Кровь ли-

лась ручьями изо рта и носа, так что все думали, что он уже мертв, однако ж он пришел в память и начались страшные мучения. Рана, полученная в грудь, была неизлечима. Он при жестоких муках должен был кровью часто харкать и в таком состоянии прожил еще одну неделю, прежде чем испустить дух» [Детской магнит 1800, с. 251]. О лживом мальчишке Мартыне: «Вдруг набежала на него бешеная собака <...> напала... и загрызла до смерти» [Золотое зеркало 1787, с. 52] и т. д.

¹⁹ Бурнашев Владимир Петрович (1810–1888), писал так же под псевдонимом *Виктор Бурьянов* — популярный беллетрист, автор ряда нравоучительных произведений для детей.

²⁰ Тот же сюжет перерабатывается в повести «Смерть от упрямства» («Детский магнит», 1800)

²¹ Федоров Борис Михайлович (1794–1875) — детский писатель, беллетрист, поэт и драматург, чье творчество характеризовалось рядом критиков как дилетантское и графоманское.

Источники

Бесценный подарок для благовоспитываемых детей или Новая детская библиотека, заключающая в себе краткие трогательные повести, нравоучительные сказочки, замысловатые басенки, занимательные разговоры и небольшие комедии, которых герои большею частью малолетние дети и их родители, воспитатели и наставники. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1797 с.

Детские забавы или Собрание кратких повестей, разговоров и нравоучений, служащих к увеселению и наставлению детей. М.: В Унив. тип. у Огорокова, 1792.

Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с оного переведена г. ***. СПб.: Изданием Академии наук, 1783.

Детской магнит, привлекающий детей к чтению, содержащий в себе сто и одну, одну одну лучше сказочку, с нравоучениями на каждую, собранные в пользу детей из наилучших авторов, писавших о воспитании детей. М.: Унив. тип. у Клаудия, 1800.

Детской магазин или собрание Полезных сочинений, соответствующих детскому возрасту. М.: В тип. Компании типографической, 1788.

Детский друг: Книга для чтения поселянам. СПб.: Тип. Брункова, 1797. 474 с.

Золотое зеркало для детей, содержащее в себе сто небольших повестей для образования разума и сердца в юношестве. Ч. 1–2. СПб.: В Имп. тип., 1787.

Небольшие сказочки для малолетних детей от четырех до семи лет возраста, переведенные, собранные и сочиненные. М.: Унив. тип у Огорокова, 1792. 142 с.

Разные истории и нравоучения, выбранные в пользу обучающегося юношества российскому языку. Рига: Тип. Гарткноха, 1779. 128 с.

Исследования

Костюхина М. С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX века. М.: ОГИ, 2008 с.

В. Мароши

СЛОН И РЕБЕНОК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В статье анализируются ситуации «слон и ребенок» и «слон как ребенок» прежде всего в русском литературном модернизме и авангарде. В статье проблематизируется архетипичность и прагматичность взаимодействия девочки и слона как двух актантов сюжета, за которыми могут стоять различные символические смыслы. Ситуация рассматривается как фабульная, в виде буквальной встречи и общения слона и девочки и как сюжетная, предполагающая высокую степень метафоризации.

Ключевые слова: слон, ребенок, сюжетная ситуация, семиозис зоосферы, русская литература.

Оговоримся сразу: в поле нашего внимания попадут не вся символика и художественные смыслы, связанные со слоном и слонами, а только те, что прямо или косвенно связаны с отношениями слона и ребенка. Нас, например, не будет интересовать теоморфность слона (индуистский Ганеша) или куртуазные смыслы («Слононок» Н. Гумилева).

Поэтому начнем с символики власти и силы, которые отчасти задают «мужской» аспект сюжета и с которыми слон соотносится чаще всего в семиозисе зоосферы. Слононок в ситуации общения с девочкой всегда будет именно слоном, самцом (и никогда не будет слонихой), но с совершенно особыми свойствами, присущими отчасти «женской» половине человеческого и животного мира.

В дохристианских культурах слоны были боевыми животными, использовавшимися на войне (слоны похода Ганнибала, индийских владык). Как огромное и сильное животное, живое воплощение мощи слон стал символом могущества государя, их содержали в царских зверинцах, дарили друг другу властители Востока и Запада. Отношения между слоном / слонами и царем как владельцем животных стали основой сюжетных ситуаций исторических анекдотов и легенд.

В XX в. в лирике авангардного типа боевой слон становится персонажем-метафорой «битвы со смыслами», словесных баталий.